

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 911.37

А.С. Чучкалов¹, А.И. Алексеев²

ЭФФЕКТ КОЛЕИ В ЭВОЛЮЦИИ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

*Населенный пункт исчез, осталась только колея.
Но хоть до насеки можно доехать*

Пчеловод Параньгинского района Марий Эл, 2019 г.

На примере периферийных территорий Республики Марий Эл (по которым были доступны уникальные данные по каждому сельскому населенному пункту начиная с 1891 г.) выявлены закономерности эволюции сети поселений и изменения их функций. Вплоть до середины XX в. на этой территории продолжалось увеличение числа поселений, а максимальная их густота была достигнута в 1950-х гг. В дальнейшем укрупнение колхозов и политика «селения неперспективных населенных пунктов» привела к сокращению сети почти вдвое. Наиболее устойчивыми оказались бывшие волостные центры и центральные усадьбы колхозов конца советского периода – все они сохранились. А населенные пункты с людностью менее 100 жителей (в 1979 г.) в большинстве своем исчезли. Деревни, поселки и села, являвшиеся неполными или полными центрами обслуживания (в которых существовали как неполные, так и полные школы или учреждения здравоохранения), как правило, сохранили класс центров обслуживания без изменений – сокращение сети бюджетных учреждений на них отразилось в меньшей степени.

Ключевые слова: эффект колеи, эволюция расселения, сельские населенные пункты, центры обслуживания, Марий Эл

Введение. Выражение «эффект колеи» – довольно новое в отечественной литературе, широко используемое, например, А.А. Аузаном [2015], Р.М. Нуреевым [2010] и другими авторами. Оно было введено в 1985 г. Полом Дэвидом, использовавшим выражение «QWERTY» (клавиатуры печатающих устройств на английском языке) как символ того, что случайно принятое решение (хотя и не лучшее) определило развитие технологии. Но, по мнению Р.М. Нуреева, «более многообещающим является анализ «несостоявшейся экономической истории». Данное направление базируется на представлении о том, что в истории чередуются периоды жестко детерминированного развития и периоды (точки) бифуркации, когда «судьбоносными» могут оказаться даже совсем мелкие субъективные обстоятельства – по принципу «бабочки Брэдли».

В отечественной географии термин «эффект колеи» почти не используется, в то же время разные авторы очень давно указывали на обусловленность современных процессов предыдущим состоянием. Точки бифуркации многократно описаны в географической литературе.

Из самых известных назовем выбор места для строительства моста через Обь, когда он был сделан не в пользу направления на Томск, а исходя из

ширины долины Оби – практически на пустом месте, где впоследствии вырос крупнейший город Сибири – Новосибирск. А «колея» (в буквальном смысле!) Транссибирской магистрали уже более 100 лет определяет территориальную структуру Азиатской России.

Представляется, что ситуация с «эффектом колеи» может быть сравнима с периодом массового внедрения в географию **системного подхода** (в 1970-х гг.). Тогда многие скептики говорили, что «хорошие географические работы всегда были системны». Помнится, что в пример приводилась книга Л.С. Берга «Аральское море. Опыт физико-географической монографии» [1908], где, в частности, первые 110 страниц посвящены истории исследований в связи с историей картографии моря – начиная от Птолемея, включая арабов (Аль-Идриси и др.), китайских авторов, Фра Мауро, Ремизова и вплоть до XIX в.

Другое дело, что теория системного подхода более четко сформулировала требования к научному исследованию, структурировала наши представления о нем, и, несомненно, оказалась в этом смысле полезна.

В данной статье авторы стремились исследовать, как траектория развития сельских населенных

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, студент; *e-mail:* chuchkalov_sashka@mail.ru

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России, докт. геогр. н., профессор; *e-mail:* alival@mail.ru

пунктов (СНП) определяется их предшествующим состоянием.

Материал и методы исследований. Район исследований был выбран в первую очередь потому, что для него имелись уникальные материалы – «История сел и деревень Республики Марий Эл». В сборниках (по каждому муниципальному району) в форме очерков представлена краткая история всех населенных пунктов Республики Марий Эл (в том числе исчезнувших в XIX в. и ранее). Очерки содержат сведения о месте нахождения деревень, окружающем ландшафте, известных людях, национальном и демографическом составе, динамике социально-экономического развития селений до 2000–2004 гг. Объем очерков определяется количеством материала, собранного работниками сельских и поселковых администраций, сотрудниками Государственного архива Республики Марий Эл, районной библиотечной системы, музеев, учителями, краеведами. В свою очередь, сведения о современном размещении учреждений сферы обслуживания в сельских населенных пунктах были взяты с сайтов администраций муниципальных районов и сельских поселений [Администрация МО «Мари-Турекский ...», 2019; Администрация МО «Параньгинский ...», 2019]. Всего были проанализированы текстовые описания 304 населенных пунктов, существовавших в разные временные эпохи.

В нашем распоряжении были также списки СНП на момент 1891, 1952, 1955, 1969, 1974, 1978, 1986 гг. а также по переписям 1959–2010 гг. Важным источником информации являлась также электронная версия «Книги Вятских Родов» В.А. Старостина, в основу которой заложены материалы переписи домовладельцев, землевладельцев и владельцев лошадей Вятской губернии 1891 г., дополненные данными «Материалов по статистике Вятской губернии», изданными по уездам с 1884 по 1892 гг. Списки населенных пунктов за 1952–1986 гг. (с указанием положения относительно административных центров и железнодорожных станций) были взяты из справочников по административно-территориальному делению Марийской АССР за 1952, 1955, 1969, 1974, 1978 и 1986 гг., включающих также списки сельских, поселковых и городских советов, указание преобладающей этнической принадлежности жителей СНП, списки предприятий лесного комплекса, а также колхозов, совхозов с указанием принадлежности населенных пунктов к ним.

При составлении картосхем использовались результаты переписи населения Вятской губернии 1891 г., Всесоюзной переписи населения 1979 г. и Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. Преобладающий этнос в структуре населения определялся в соответствии с информацией, размещенной в справочниках административно-территориального деления Республики Марий Эл 1952–1979 гг. и в базе данных «Этно-языковой состав населенных пунктов России». Исходя из того, что преобладающий этнос в структуре населения за 1952–2002 гг. преимущественно остался неизменным (это спра-

ведливо для всех населенных пунктов, за исключением 6 деревень с численностью населения в 2010 г. от 2 до 17 чел.), при составлении картосхем использовались как можно более ранние данные 1952–1974 гг. Транспортная сеть на них отображалась в соответствии с имеющимися в открытом доступе картографическими источниками (карта востока Европейской части России Стрельбицкого 1871 г., карта Вятской губернии 1929 г., социально-культурная карта Марий Эл 1929 г., карта Марийской АО Нижегородского края 1930 г., военно-топографические карты 1978–1982 гг., топографическая карта СССР 1985 г., топографическая карта Европейской России 2000 г., топографический атлас Республики Марий Эл 2009 г.).

Помимо анализа текстового и статистического материала, были проведены натурные исследования территории (с посещением центров большинства муниципальных образований – сельских поселений), экспертные и глубинные интервью.

Результаты исследований и их обсуждение.
Объект изучения. Динамика расселения. Два юго-восточных муниципальных района Марий Эл – Мари-Турекский и Параньгинский – являются одними из наиболее полиэтничных в республике: здесь существуют села марийские, татарские, русские и удмуртские, что позволило учесть влияние национального фактора на сельское расселение. Оба района – периферийные в пределах республики, интенсивность оттока сельского населения оттуда выше средней.

Согласно полученным результатам, на момент 1891 г. на современной территории двух анализируемых районов существовало 248 населенных пунктов – деревень, сел, поселков, выселок и починок, позднее – хуторов, поселков при машинно-тракторных станциях и поселков при лесозащитках.

Примечательно, что за 1891–1918, 1918–1930 и 1930–1959 гг. количество образованных новых населенных пунктов преобладало над числом упраздненных (рис. 1), что было обусловлено, главным образом, формированием хуторов после Столыпинской аграрной реформы 1909 г., а также возникновением новых населенных пунктов в первые годы коллективизации. Так, с 1918 включительно до 1930 гг. на современной территории Мари-Турекского и Параньгинского районов был образован 31 новый населенный пункт.

С момента начала проведения государственной политики ликвидации «неперспективных» деревень в 1960–1970-е гг. населенные пункты преимущественно утрачивали статус таковых. Так, за 1959–1969 гг. было упразднено 42 населенных пункта, но далеко не все они были признаны «неперспективными» – таких было только 39. Из них прекратили свое существование только 16. В свою очередь, 23 поселения существуют как населенные пункты и по сей день, 3 из которых в 2010 г. обладали численностью населения более 100 чел. В 2 деревнях на 01.06.2019 даже действовали начальные общеобразовательные школы, а в 4 деревнях имелись магазины.

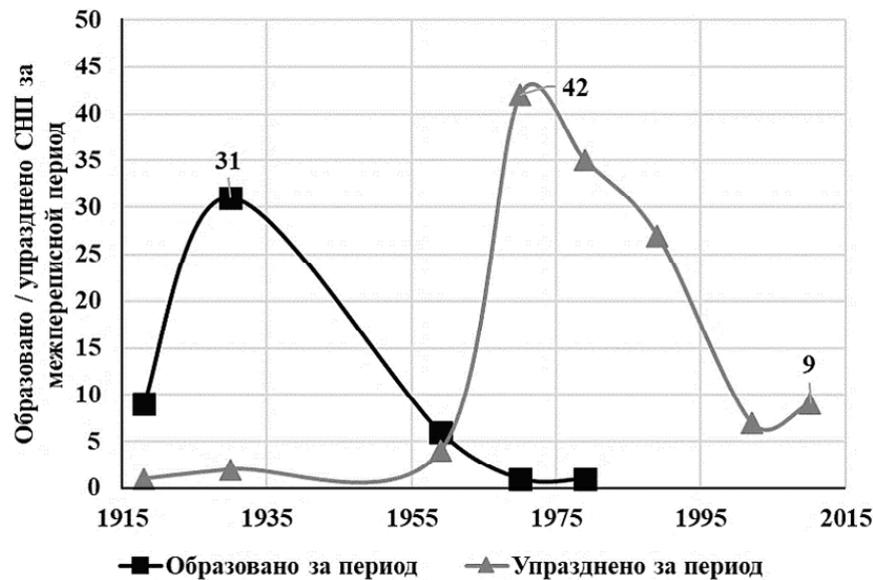

Рис. 1. Динамика количества образованных и упраздненных за соответствующие периоды сельских населенных пунктов, расположенных на современной территории Мари-Турекского и Параньгинского районов в 1891–2010 гг.

Примечание: в качестве дат начала и окончания периодов образования/упразднения СНП рассматривались годы переписей населения 1959–2010 гг., а также 1891, 1918 и 1930 гг. Источник: составлено авторами по данным [Мари-Турекский ..., 2019; Параньгинский ..., 2019; Ревизские ..., 2019; Старые карты ... 2019]

Fig. 1. 1891–2010 dynamics of the number of rural settlements formed and extinct during the corresponding periods, within the modern territory of the Mari-Turekskiy and Paranginskiy districts

Таким образом, наиболее стремительное сокращение числа населенных пунктов в пределах районных систем расселения Мари-Турекского и Параньгинского районов произошло за период 1959–1989 гг. В настоящее время темпы сокращения количества сельских населенных пунктов относительно замедленные – с 2002 по 2019 гг. их число уменьшилось на 8 (рис. 2).

Большинство существующих в настоящее время сельских населенных пунктов Мари-Турекского и Параньгинского районов было образовано в XVIII в. (преимущественно марийские, в северо-западной части территории двух районов) и в XIX в. (русские и татарские, преобладают в центре и в юго-восточной части). Удмурты, согласно легендам, пришедшие на современную территорию Республики Марий Эл в 1795 г., компактно проживали на крайнем юго-востоке исследуемой территории [Бушков, 2017].

По состоянию на конец XIX в. на этой территории отсутствовали значительные различия в плотности сельских населенных пунктов, около 2/3 которых составляли деревни и села численностью населения от 100 до 300 чел. Лишь 13 населенных пунктов имели численность населения, превышавшую 500 чел.

Сравнение рис. 3 и 4 показывает, во-первых, что за прошедшие 120 лет сельское расселение резко сократилось, а во-вторых, что это сокращение произошло прежде всего за счет русских СНП, число которых уменьшилось более чем в 3 раза. В наименьшей степени сократилось число марийских сел, а татарские занимают промежуточное положение.

Определение «типов колеи» (типов траекторий развития населенных пунктов). Для выявления траекторий развития СНП вначале выделим типы СНП, превращения которых будем изучать. В типологии СНП по С.А. Ковалеву [1963], общепринятой в 1960–1980 гг., главным считалось положение СНП во «внутрихозяйственных системах расселения» – совокупности СНП в пределах одного колхоза (совхоза): центральная усадьба, поселки отделений, бригад, поселки при фермах и жилые. С исчезновением этих форм организации сельского хозяйства, и с деагrarianизацией сельской местности такая типология потеряла актуальность, и на первое место вышли такие факторы, как наличие трудоспособного населения и рабочих мест в СНП [Алексеев, Сафронов, 2017].

Но такая типология не дает возможности исследования изменений в иерархическом положении СНП за длительный период, не говоря уже об отсутствии соответствующей статистики. Поэтому нами было принято решение об использовании для этого информации о наличии в СНП учреждений сферы обслуживания, по которым есть данные за весь исследуемый период. В пользу этого говорит и такой факт, как резкое увеличение доли занятых в этой сфере: во многих, если не в большинстве СНП, большая часть рабочих мест (если они вообще имеются) сосредоточена именно в сфере обслуживания населения, при многократном сокращении рабочих мест в сельском хозяйстве.

По методике, разработанной А.А. Ткаченко с соавторами [Ткаченко с соавт., 2019], для оценки

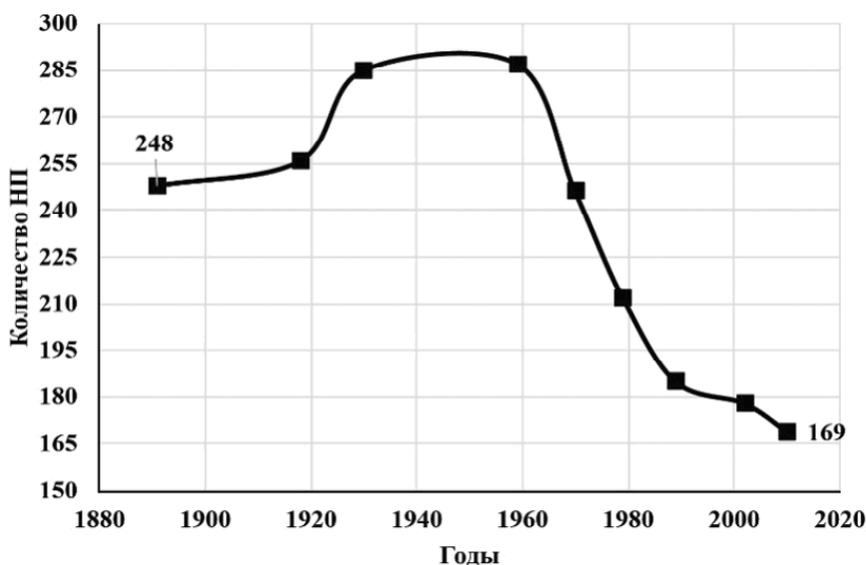

Рис. 2. Динамика количества населенных пунктов, расположенных на современной территории Мари-Турекского и Парангинского районов, в 1891–2010 гг. Источник: см. рис. 1

Fig. 2. 1891–2010 dynamics of the number of settlements within the modern territory of the Mari-Turekskiy and Paranginskiy districts

уровня развития сферы обслуживания в населенных пунктах в 1979 и 2019 гг. было выделено несколько классов центров обслуживания в соответствии с набором представленных в них учреждений. Населенный пункт условно считался центром в случае расположения в нем хотя бы одного предприятия обслуживания населения на низовом уровне. Всего было выделено 4 класса центров обслуживания, представленных в таблице.

При выделении классов *центров расселения* в отличие от классов центров обслуживания учитывался также фактор размещения в населенных пунктах администраций сельских поселений:

1 класс – центры расселения высшего уровня – центры сельских поселений с полным набором услуг;

2 – центры расселения выше среднего уровня – центры сельских поселений с неполным набором услуг и рядовые СНП с полным набором;

3 – центры расселения среднего уровня – центры сельских поселений с низовым набором услуг;

4 – центры расселения среднего уровня – рядовые СНП с неполным набором;

5 – центры расселения ниже среднего уровня – центры сельских поселений с элементарным набором или совсем без услуг и рядовые СНП с низовым набором услуг;

6 – центры расселения низшего уровня – рядовые СНП с элементарным набором услуг.

Сравнение существующего расселения с картиной 1891 г. показывает, что *населенные пункты, являвшиеся крупнейшими в 1891 г. либо обладавшие центральными функциями (центры волостей), как правило, сохранили доминирующее положение в системе расселения и на начало XXI в.*

Траектория развития массива населенных пунктов средней численности населения на конец XIX в. крайне неоднородна – в XX в. исчезали как населенные пункты на главных транспортных путях, так и деревни, поселки и села, расположенные на удалении от них.

Таблица

Критерии выделения населенных пунктов – классов центров обслуживания населения

Класс центров обслуживания	Наименование класса центров обслуживания	Критерии выделения
1	Элементарный	Либо только магазин или ФАП, либо досуговое учреждение (СДК, сельский клуб, библиотека) и/или отделение связи, либо только НОШ
2	Низовой	ФАП, досуговое учреждение (СДК, сельский клуб, библиотека) и/или отделение связи и/или НОШ
3	Неполный	Либо школа (ООШ, СОШ), либо врачебное учреждение (амбулатория, больница)
4	Полный	Школа (ООШ, СОШ) и врачебное учреждение (амбулатория, больница)

Источник: составлено авторами.

Сокращения: ФАП – фельдшерско-акушерский пункт, СДК – сельский дом культуры, НОШ – начальная образовательная школа, ООШ – основная образовательная школа (8–9 лет), СОШ – средняя образовательная школа.

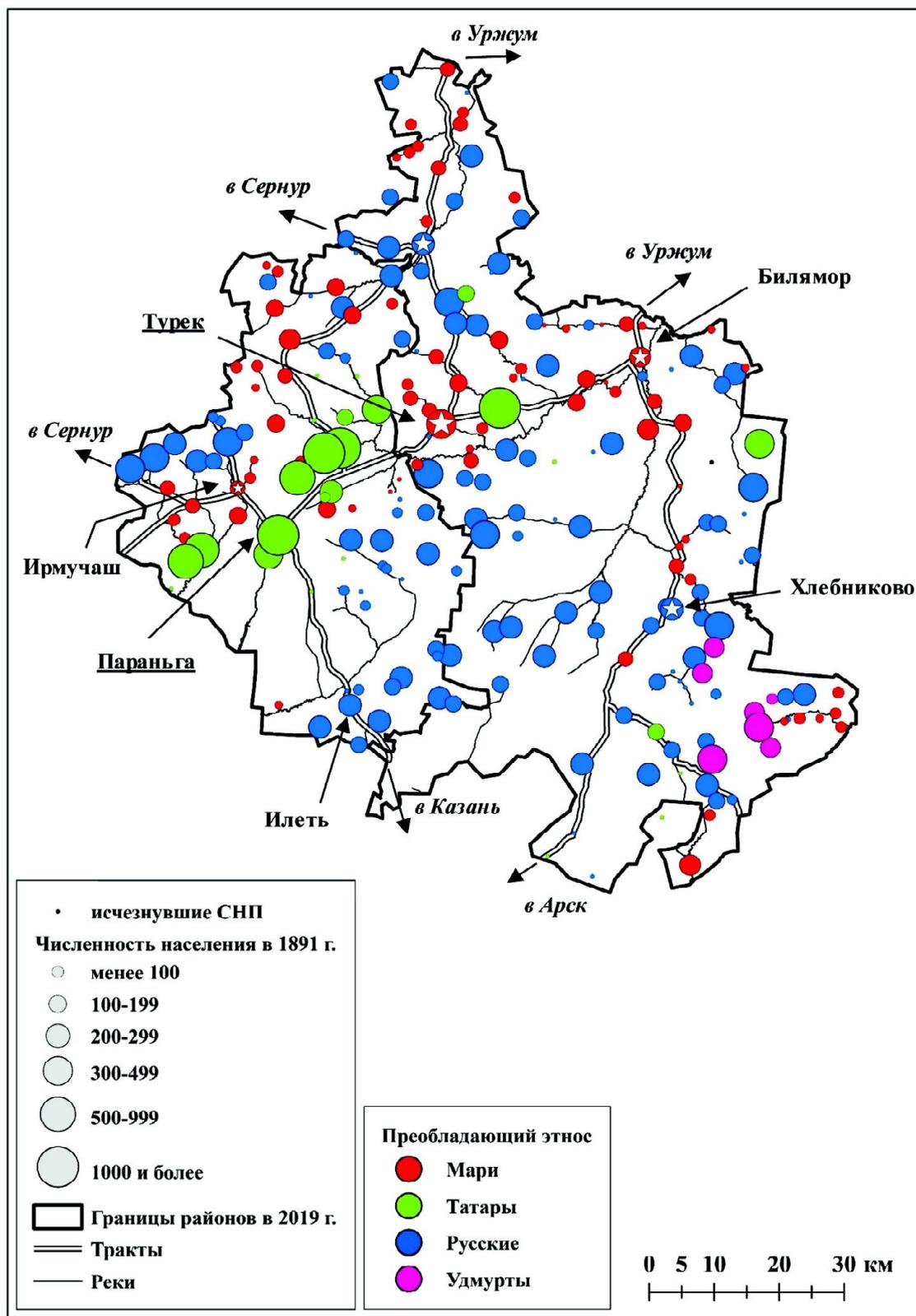

Рис. 3. Расселение на современной территории Мари-Турецкого и Параньгинского районов по данным на конец XIX в. Знаком пятилучевой звезды обозначены центры волостей на 1891 г. *Источник:* составлено авторами по данным [Мари-Турецкий ..., 2019; Параньгинский ..., 2019; Переписи ..., 2019]

Fig. 3. Settlements within the modern territory of the Mari-Tureckiy and Paranginskiy districts according to the data of the end of the 19th century

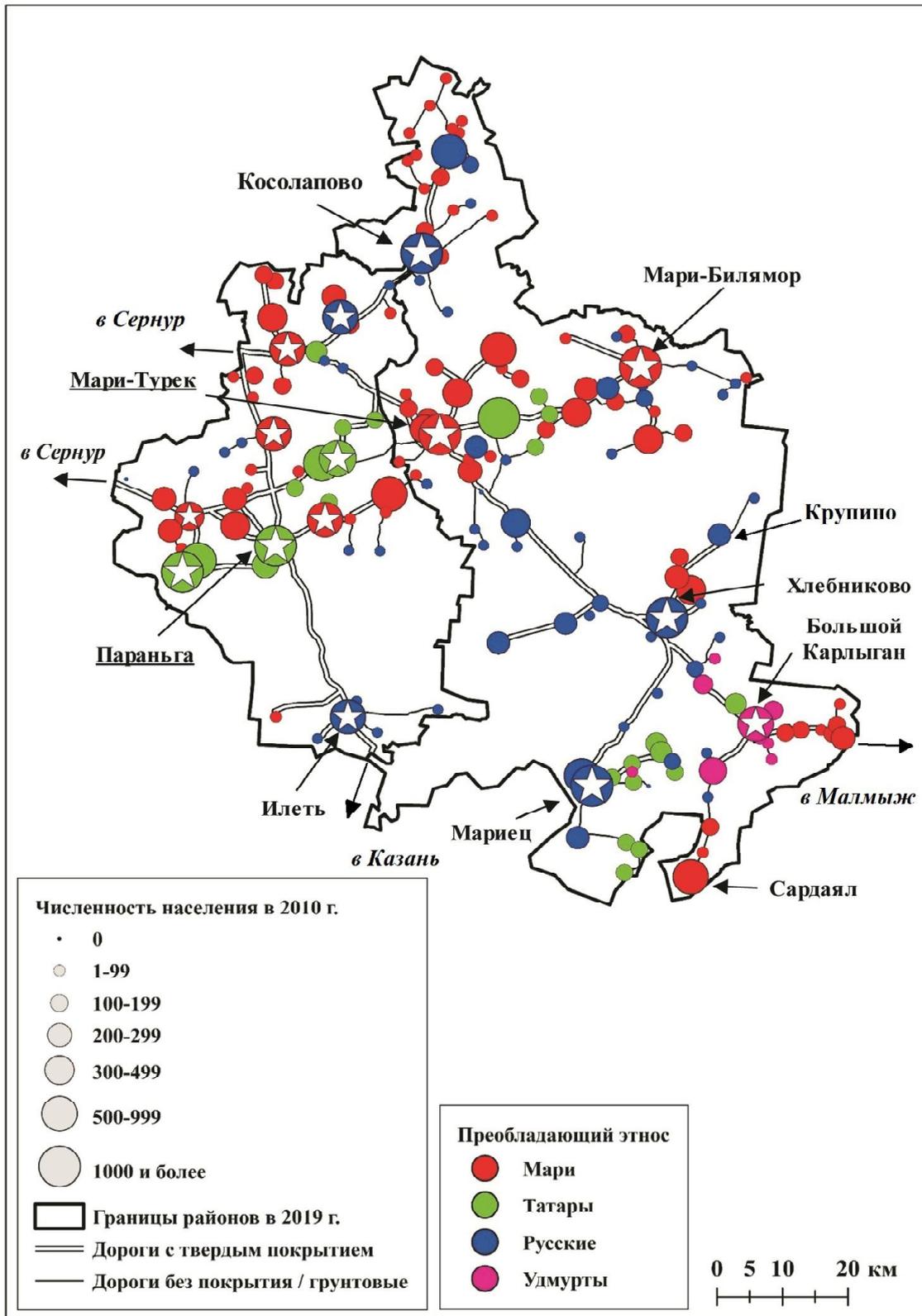

Рис. 4. Расселение на современной территории Мари-Турекского и Параньгинского районов по данным 2010 г. Знаком пятилучевой звезды обозначены центры сельских и городских поселений в 2010 г. *Источник:* см. рис. 3

Fig. 4. Settlement pattern within the modern territory of the Mari-Turekskiy and Paranginskiy districts according to 2010 data

В свою очередь, подавляющее большинство населенных пунктов размером менее 100 чел. в XIX в. исчезло вовсе, преимущественно в 1960-е годы, когда имело место одно из проявлений многоуровневой миграции – «стягивание» населения в центральные усадьбы сельскохозяйственных предприятий [Демьянова, 2018].

Мы рассмотрим траектории развития населенных пунктов, обладавших с 1953 по 1991 гг. статусами административных и/или хозяйственных центров, начиная с 1979 г. Заметим, что колхозы и совхозы существовали во многих населенных пунктах, подвергаясь нескольким волнам укрупнения, начиная с 1930-х гг. Населенные пункты, являвшиеся хозяйственными центрами еще в довоенное время, условимся рассматривать как рядовые деревни, поселки и села по причине вероятного отсутствия у них отличительных черт на момент 1979 г. «Разжалованные» центральные усадьбы и центры сельских советов в 1953–1979 гг. либо находились в зоне влияния другой центральной усадьбы, либо, наоборот, были излишне удалены от основных транспортных путей, как бы «выпадая» из системы расселения. Притом для центров сельских советов, особенно лишившихся статуса в 1953–1964 гг., периферийность расположения была свойственна в большей степени.

Для удобства дальнейшего рассмотрения судьбы населенных пунктов – бывших центров расселения, они были объединены в 5 типов:

- I тип – Центральные усадьбы колхозов и совхозов и центры сельских советов (одновременно на момент 1979 г.) – 16 населенных пунктов;
- II тип – Центральные усадьбы колхозов и совхозов, но не центры сельских советов (на момент 1979 г.) – 8 населенных пунктов;
- III тип – Центральные усадьбы колхозов и совхозов и центры сельских советов, разжалованные с 1965 по 1974 гг. – 13 населенных пунктов;

- IV тип – Центральные усадьбы колхозов и совхозов и центры сельских советов, разжалованные с 1953 по 1964 гг. – 33 населенных пункта;

- V тип – Рядовые сельские населенные пункты, не являвшиеся в 1953 г. центрами колхозов и совхозов или центрами сельских советов – 156 населенных пунктов.

Центральные усадьбы, являвшиеся в позднесоветское время одновременно и центрами сельских советов, в 1979 г. преимущественно являлись неполными центрами, характеризующимися наличием всех рассматриваемых бюджетных учреждений сферы обслуживания населения за исключением участковых больниц. Врачебные амбулатории, в свою очередь, имелись лишь в бывших центрах административных районов – селах Косолапово и Хлебниково, уровень «центральности» которых несколько выше в сравнении с другими центрами сельских поселений.

На схеме рис. 5 и на аналогичных схемах далее отражено распределение населенных пунктов каждого рассматриваемого типа в зависимости от принадлежности к тому или иному классу обслуживания в 1979 и 2019 гг. соответственно. Кроме того, цифрами и стрелками указано количество населенных пунктов, сохранивших либо поменявших класс обслуживания. Соотношения толщины стрелок прямо пропорциональны различиям в числе населенных пунктов, для которых справедлив указанный вектор развития.

Как показывает рис. 5, СНП этого типа за 1979–2019 гг. в основном сохранили свое положение как центры расселения. Для большинства административно-хозяйственных центров в позднесоветское время свойственно наличие базового набора учреждений обслуживания населения, включая основную или среднюю общеобразовательную школу, в редких случаях – больничную амбулаторию. В то же время, для центров сельских советов характерна

Рис. 5. Траектории развития населенных пунктов – административно-хозяйственных центров в позднесоветское время
 Примечание: здесь и далее под наименованием статуса центров обслуживания в 2019 г., указана, во-первых, доля населения, проживавшего в них в 2010 г. от всего населения населенных пунктов рассматриваемого типа, а во-вторых, средняя людность в 2010 г.
 Источник: составлено авторами.

Fig. 5. The development trajectories of settlements which were administrative end economic centers in the late Soviet era

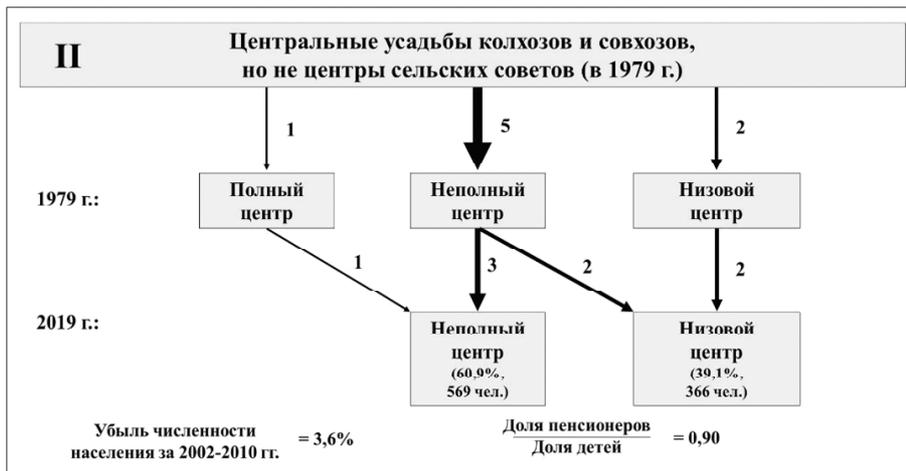

Рис. 6. Траектории развития «центральных усадеб» колхозов и совхозов, не являвшихся в 1979 г. центрами сельских советов
 Источник: составлено авторами

Fig. 6 The development trajectories of the «central estates» of collective farms and state farms which were not centers of the village councils in 1979

интенсивная депопуляция за последний межпереписной период – сокращение численности населения более чем на 13%, в том числе за счет убыли населения в центрах сельсоветов, лишившихся административных функций после муниципальной реформы.

Центральные усадьбы колхозов и совхозов, не являвшиеся в 1979 г. центрами сельских советов (рис. 6), на данный момент представлены 4 неполными (со школами, но без амбулаторий) и 4 низовыми центрами (без основных или средних общеобразовательных школ), притом для 3 населенных пунктов было отмечено понижение в классе (в деревнях Ирнур и Сенда – вследствие закрытия школ, в деревне Куянково – ввиду закрытия амбулатории).

В еще большей степени понижение в классе отразилось на административных и/или хозяйственных центрах, разжалованных в период с 1965 по 1974 гг. (рис. 7). Так, из 12 населенных пунктов

лишь половина к настоящему времени сохранила центральные функции, притом 5 из 6 населенных пунктов имели только магазины и, в редких случаях, сельские клубы и/или библиотеки.

На фоне всеобщего сокращения сети учреждений обслуживания населения выделяется марийская деревня Лопово – только пятый по численности населенный пункт Карлыганского сельского поселения Мари-Турекского района, в которой после 1979 г. были открыты ДК и Арборская ООШ. Повышение в классе обслуживания данного населенного пункта предположительно могло быть обусловлено периферийностью его расположения.

Заметим, что сразу 3 деревни перешли из категории низовых центров в категорию рядовых СНП, что отчасти является результатом их включения в программу ликвидации неперспективных деревень,

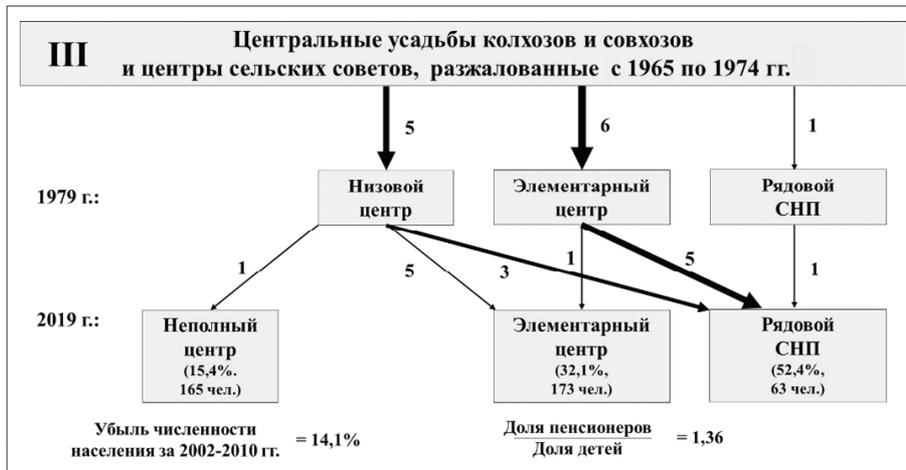

Рис. 7. Траектории развития центральных усадеб колхозов и совхозов и центров сельских советов, разжалованных с 1965 по 1974 гг.
 Источник: составлено авторами.

Fig. 7 The development trajectories of the «central estates» of collective farms and state farms and centers of the village councils, deprived from 1965 till 1974

несмотря на утраченный немногими годами ранее статус центров колхозов. Разжалованные за рассматриваемое десятилетие центральные усадьбы сельскохозяйственных предприятий и центры сельских советов преимущественно занимают подчиненное положение в пределах систем расселения. Так, лишь 4 из 12 населенных пунктов по численности населения в 2010 г. превышали 100 чел. В стольких же деревнях из числа рассматриваемых проживало менее 10 чел. В целом убыль численности проживавшего в 2010 г. в рассматриваемых деревнях населения составила 14%, несмотря на молодую возрастную структуру, обусловленную этнической спецификой деревень.

Как в 1979 г., так и сейчас большинство *центральных усадеб колхозов и совхозов и центров сельских советов, разжалованных в 1950-е – начале 1960-х гг.* (без учета временного укрупнения сельскохозяйственных предприятий во второй половине 1950-х гг.), занимают подчиненное положение в системах расселения (рис. 8). Однако, если в советское время количество центров расселения среди 33 населенных пунктов равнялось 20, то к настоящему моменту таковых населенных пунктов осталось лишь 5. В свою очередь, треть от числа населенных пунктов к 2010 г. исчезла, либо не имела населения.

В целом следует заметить, что центры расселения среди административных и хозяйственных центров, разжалованных в 1950–1960-е гг., встречаются в порядке исключений. В 17 из 22 существующих к настоящему моменту населенных пунктах рассматриваемой категории отсутствуют даже магазины. Заметим, что именно давно упраздненным центральным усадьбам и центрам сельских советов свойственна наибольшая убыль численности проживающего в них населения в период с 2002 по 2010 гг. – более чем на 18%.

Еще меньше доля центров обслуживания среди поселений, не являвшихся в 1953–1964 гг. админи-

стративными и/или хозяйственными центрами (рис. 9). Как и в случае с предыдущей категорией населенных пунктов, более трети из числа существовавших в 1979 г. деревень, поселков и сел к настоящему времени исчезло, а в 80 из 92 оставшихся отсутствуют магазины. Для рассматриваемых населенных пунктов свойственна огромная величина дифференциации как по людности, так и по относительной убыли численности населения за последний межпереписной период.

Таким образом, для каждой рассматриваемой категории сельских населенных пунктов, выделенных по принципу наличия административно-хозяйственных функций в различные исторические периоды, свойственна преобладающая принадлежность к определенным классам степени развития сферы обслуживания населения:

- центральные усадьбы колхозов и совхозов и центры сельских советов (одновременно на момент 1979 г.) – преимущественно неполные центры, обладающие базовым набором учреждений обслуживания населения, включая основную или среднюю общеобразовательную школу, в случаях бывших районных центров – и врачебную амбулаторию;
- центральные усадьбы колхозов и совхозов, но не центры сельских советов (на момент 1979 г.) – неполные и низовые центры с наличием домов культуры и фельдшерско-акушерских пунктов, как с наличием общеобразовательных и средних школ (в наиболее крупных населенных пунктах, а также в населенных пунктах – субцентрах в пределах сельских поселений), так и без них;
- центральные усадьбы колхозов и совхозов и центры сельских советов, разжалованные с 1965 по 1974 гг., – преимущественно рядовые сельские населенные пункты, реже – элементарные центры с наличием магазинов, учреждений культуры или ФАПов, в редких случаях – почтовых отделений;

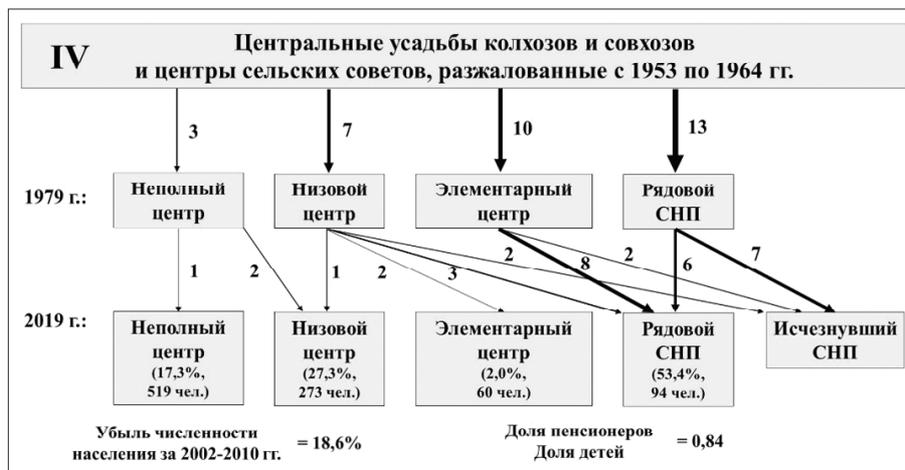

Рис. 8. Траектории развития центральных усадеб колхозов и совхозов и центров сельских советов, разжалованных с 1953 по 1964 гг. Источник: составлено авторами

Fig. 8. The development trajectories of the «central estates» of collective farms and state farms and centers of the village councils, deprived from 1953 till 1964

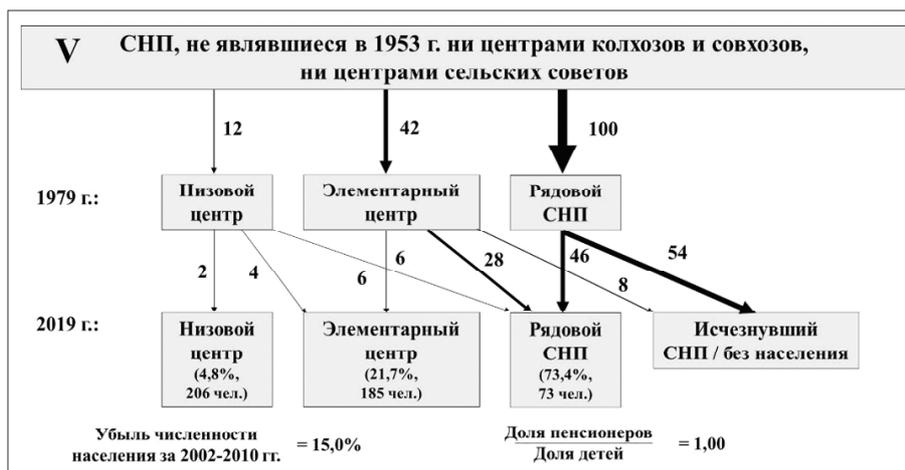

Рис. 9. Траектории развития сельских населенных пунктов, не являвшихся центральными усадьбами колхозов и совхозов или центрами сельских советов в 1953 г. *Источник:* составлено авторами

Fig. 9. The development trajectories of rural settlements which were not «central estates» of collective farms and state farms or centers of village councils in 1953

- центральные усадьбы колхозов и совхозов и центры сельских советов, разжалованные с 1953 по 1964 гг. – преимущественно рядовые сельские населенные пункты, не имеющие даже магазинов (около трети населенных пунктов рассматриваемой категории – исчезнувшие);

- сельские населенные пункты, не являвшиеся в 1953 г. центрами колхозов и совхозов или центрами сельских советов – рядовые сельские населенные пункты (87% от числа существующих, исчезнувшие населенные пункты составляют более 40% от числа деревень, поселков и сел рассматриваемой категории в 1979 г.).

Таким образом, наличие или отсутствие административных и/или хозяйственных функций населенных пунктов в советское время, а также периодичность их утраты в некоторой степени предопределяет уровень развития сферы обслуживания в них уже в настоящее время. Так, более или менее развитым сектором обслуживания населения, включающим как учреждения культуры, так и фельдшерско-акушерские пункты обладают деревни, поселки и села, являвшиеся на момент 1979 г. центральными усадьбами колхозов и совхозов, что справедливо и для существовавших на тот момент центров сельских советов. Сохранившиеся неполные и полные школы также располагаются в центральных усадьбах, существовавших на момент прекращения существования СССР.

В свою очередь, среди деревень, поселков и сел, не являвшихся центральными усадьбами колхозов и совхозов на момент 1979 г., к настоящему моменту центры расселения почти отсутствуют. Исключения составляют лишь населенные пункты, территориально отдаленные от центров сельских поселений, которые, являясь их субцентрами, сохранили сферу обслуживания в относительно неизменном виде.

Чем раньше СНП лишились административных и/или хозяйственных функций, тем больше среди них

доля исчезнувших СНП. Представленные результаты подтверждают выводы о важности статусов административных или хозяйственных центров для поддержания жизнеспособности населенных пунктов. Однако в настоящее время фактор существования сельскохозяйственного предприятия в населенном пункте утрачивает значимость.

Выводы:

- несмотря на то, что система расселения в пределах рассматриваемых районов на протяжении XX в. претерпевала значительную трансформацию, крупнейшие центры расселения преимущественно остались прежними: 4 из 5 волостных центров и по сей день являются центрами поселений;

- в конце XIX в. различия между СНП были невелики, подавляющая часть населения проживала в СНП людностью в 300–500 чел. К началу XXI в. поляризация населенных пунктов резко усилилась. Относительно крупные населенные пункты – центры сельских поселений с наличием учреждений здравоохранения и образования незначительно сократили численность населения. Большинство поселений с численностью населения менее 100 чел., исчезли;

- фактор существования в населенном пункте сельскохозяйственного предприятия, утрачивает значимость для поддержания его жизнеспособности в сравнении с позднесоветским временем. Это происходит как вследствие резкого сокращения количества рабочих мест, так и по причине незаинтересованности молодого поколения в трудоустройстве на сельскохозяйственных предприятиях;

- степень развития сферы обслуживания населения является одним из наиболее важных факторов поддержания жизнеспособности населенных пунктов. За 1979–2010 гг. можно выделить тенденцию менее активной депопуляции населенных пунктов с более разнообразным набором услуг, предоставляемых населению различными учреждениями

обслуживания. На территории двух рассматриваемых районов более половины населенных пунктов (88 из 163) не имели учреждений обслуживания (в т. ч. магазинов). Их существование поддерживалось наличием у жителей транспортных средств для закупок продовольствия в центрах сельских поселений или в районных центрах;

– в 1979–2019 гг. отмечено неустойчивое положение элементарных центров обслуживания, а также населенных пунктов, не имевших в 1979 г. мага-

зинов (почти половина из них прекратила существование). *Деревни, поселки и села, являвшиеся неполными или полными центрами обслуживания, как правило, сохранили класс центров обслуживания без изменений – сокращение сети бюджетных учреждений на них отразилось менее значительно.*

Таким образом, наибольшей депопуляции и сокращению числа учреждений обслуживания подверглись более мелкие населенные пункты, где и без того доступность услуг была очень плохой.

Благодарности. Постановка задачи и разработка методики выполнены в рамках ГЗ кафедры ЭиСГР «Социально-экономические факторы трансформации территориальной организации общества в России и сопредельных странах» (№ ЦИТИС АААА-А16-116032810087-1); сбор материала, его обработка и анализ выполнены при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-05-00394).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.И., Сафронов С.Г.* Типология сельских населенных пунктов Европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2017. № 6. С. 55–61.
- Аузан А.А.* «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Эконом. 2015. № 1. С. 3–17.
- Берг Л.С.* Аральское море: Опыт физико-географической монографии. СПб., 1908. 580 с.
- Бушков Р.А.* Рассвет земли Онара: историко-краеведческие очерки / Под ред. А.А. Бурханова, В.С. Соловьева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 464 с.
- Демьянова С.В.* История исчезнувших селений Параньгинского района // Богатство финно-угорских народов. Материалы V Международного финно-угорского студенческого форума. 2018. С. 270–271.
- Ковалев С.А.* Сельское расселение (географическое исследование). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 371 с.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В.* Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. 530 с.
- Ткаченко А.А., Смирнов И.П., Смирнова А.А.* Трансформация сети центров сельского расселения в низовом районе Центральной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2019. № 2. С. 78–85.
- Электронные ресурсы*
- Административно-территориальное деление Марийской АССР 1952–1986 гг. Родная Вятка. Краеведческий портал [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rodnaya-vyatka.ru/marat/> (дата обращения 31.05–12.07.2019).
- Администрация МО «Мари-Турекский муниципальный район». Официальный интернет-портал Республики Марий Эл [Электронный ресурс]: URL: <http://www.mari-el.gov.ru/mturek/Pages/main.aspx> (дата обращения 31.05–12.07.2019).
- Администрация МО «Параньгинский муниципальный район». Официальный интернет-портал Республики Марий Эл [Электронный ресурс]: URL: <http://www.mari-el.gov.ru/paranga/Pages/main.aspx> (дата обращения 31.05–12.07.2019).
- База данных «Этноязыковой состав населенных пунктов России» [Электронный ресурс]: URL: <http://www.lingvarium.org/russia/settlem-database.shtml> (Дата обращения 31.05–12.07.2019).
- База данных показателей муниципальных образований. Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]: URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения 31.05–12.07.2019).
- Мари-Турекский район. Информационный ресурс Республики Марий Эл [Электронный ресурс]: URL: <https://www.12rus.ru/List/26/> (дата обращения 31.05–12.07.2019).
- Параньгинский район. Информационный ресурс Республики Марий Эл [Электронный ресурс]: URL: <https://www.12rus.ru/List/31/> (дата обращения 31.05–12.07.2019).
- Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. Российский демографический барометр [Электронный ресурс]: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php/> (дата обращения 31.05–12.07.2019).
- Ревизские сказки и переписные книги Вятского края. Родная Вятка. Краеведческий портал [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rodnaya-vyatka.ru/censuses/> (дата обращения 31.05–12.07.2019).
- Старые карты Республики Марий Эл. Старые карты городов России и зарубежья [Электронный ресурс]: URL: <http://www.retomap.ru/select.html#t=Марий%20Эл> (дата обращения 31.05–12.07.2019).

Поступила в редакцию 16.10.2019

После доработки 30.10.2019

Принята к публикации 01.11.2019

A.S. Chuchkalov¹, A.I. Alekseev²

**THE TRACK EFFECT IN THE EVOLUTION
OF RURAL SETTLEMENTS
IN THE REPUBLIC OF MARI EL**

The village disappeared, only the track remained.

But at least you can get to the apiary

Beekeeper from the Paranginsky district of Mari El, 2019

Patterns of the evolution of settlements network and changes of their functions were revealed through the analysis of peripheral territories of the Mari El Republic, for which unique data for each rural settlement were available since 1890. Until the middle of the 20th century the number of settlements was continuously increasing, and the maximum density was reached in the 1950s. Further the consolidation of collective farms and the policy of «elimination of unpromising settlements» led to almost half reduction of the network.

The most stable were the former volost centers, and the central estates of the collective farms of the late Soviet period – they all survived. But the settlements with 1979 population less than 100 inhabitants mostly disappeared. Settlements that were incomplete or complete service centers (in which there were both incomplete and complete schools and health care institutions) generally kept the class of service centers unchanged, because the reduction of the network of budgetary institutions affected them less significantly.

Key words: track effect, settlement evolution, rural settlements, service centers, Mari El

Acknowledgements. The problem statement and the methodology development have been carried out under the State task of the Department of Economic and Social Geography of Russia «Socio-economic factors of transformation of the territorial organization of society in Russia and neighboring countries» (CITIS AAAA-A16-116032810087-1). The collection of material, its processing and analysis were financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (project № 18-05-00394).

REFERENCES

Alekseev A.I., Safronov S.G. Tipologija sel'skih naselennykh punktov Evropejskoj chaste Rossii v sovremennoj demograficheskoj i social'no-jekonomicheskoj situacii [Typology of rural settlements in the European part of Russia under recent demographic and socio-economic situation]. *Vestn. Mosk. Un-ta*, Ser. 5, Geogr., 2017, no. 6, p. 55–61. (In Russian)

Auzan A.A. «Jeffekt kolei». Problema zavisimosti ot traektorii predshestvujushhego razvitija – jevoljucija gipotez [The track effect. Problem of dependence from the trajectory of previous development: evolution of hypotheses] // *Vestn. Mosk. Un-ta*, Ser. 6, Econom., 2015, no 1, p. 3–17. (In Russian)

Berg L.S. Aral'skoe more: Opyt fiziko-geograficheskoj monografii. [The Aral Sea: An Attempt of a Physical-Geographic Monograph]. St. Petersburg, 1908, 580 p. (In Russian)

Bushkov R.A. Rassvet zemli Onara: istoriko-kraevedcheskie ocherki [Dawn of the land of Onar: historical and local history essays]. Kazan, S. Marjani Institute of History, AN RT, 2017, 464 p. (In Russian)

Demyanova S.V. Istoriya ischeznuvshikh selenii Paran'ginskogo raiona [The history of disappeared villages of the Paranginsky district]. *Bogatstvo finno-ugorskikh narodov. Materialy V Mezhdunarodnogo finno-ugorskogo studencheskogo foruma*. [Proceedings of the V International Finno-Ugric Student Forum: The wealth of Finno-Ugric peoples]. Yoshkar-Ola, 2018, p. 270–271. (In Russian)

Kovalev S.A. Sel'skoe rasselenie (geograficheskoe issledovanie). [Rural settlement (geographical study)] Moscow, Moscow University Publ., 1963, 371 p. (In Russian)

Nureev R.M., Latov Yu.V. Rossija i Evropa: jeffekt kolei (opyt institucional'nogo analiza istorii ekonomicheskogo razvitija). [Russia and Europe: the Track Effect (An attempt of institutional analysis of the history of economic development)]. Kaliningrad, Immanuel Kant Russian State University Publ., 2010, 530 p. (In Russian)

Tkachenko A.A., Smirnov I.P., Smirnova A.A. Transformacija seti centrov sel'skogo rasselenija v nizovom rajone Central'noj Rossii. [Transformation of the network of rural settlement centers in a municipal district of Central Russia]. *Vestn. Mosk. Un-ta*, Ser. 5, Geogr., 2019, no. 2, p. 78–85. (In Russian)

Web sources

Administracija MO «Mari-Turekskij municipal'nyj rajon». Oficial'nyj internet-portal Respubliki MarijJel [Elektronnyi resurs], URL: <http://www.mari-el.gov.ru/mturek/Pages/main.aspx> (access dates 31.05–12.07.2019). (In Russian)

Administracija MO «Paran'ginskij municipal'nyj rajon». Oficial'nyj internet-portal Respubliki Marij Jel [Elektronnyi resurs], URL: <http://www.mari-el.gov.ru/paranga/Pages/main.aspx> (access dates 31.05–12.07.2019). (In Russian)

Administrativno-territorial'noe delenie Marijskoj ASSR 1952–1986 gg. Rodnaja Vjatka. Kraevedcheskij portal [Elektronnyi resurs], URL: <https://www.rodnaya-vyatka.ru/maratd> (access dates 31.05–12.07.2019). (In Russian)

Baza dannyh «Etnojazykovoj sostav naselennykh punktov Rossii» [Elektronnyi resurs], URL: <http://www.lingvarium.org/russia/settlem-database.shtml> (access dates 31.05–12.07.2019). (In Russian)

¹ Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Economic and Social Geography of Russia, student; *e-mail*: chuchkalov_sashka@mail.ru

² Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Economic and Social Geography of Russia, Professor, D.Sc. in Geography; *e-mail*: alival@mail.ru

Baza dannyh pokazatelej municipal'nyh obrazovanij. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki RF [Elektronnyi resurs], URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (access dates 31.05–12.07.2019). (In Russian)

Mari-Tureksij rajon/ Informacionnyj resurs Respubliki MarijJel [Elektronnyi resurs], URL: <https://www.12rus.ru/List/26/> (access dates 31.05–12.07.2019). (In Russian)

Paran'ginskij rajon/ Informacionnyj resurs Respubliki Marij Jel [Elektronnyi resurs], URL: <https://www.12rus.ru/List/31/> (access dates 31.05–12.07.2019). (In Russian)

Perepisi naseleniya Rossiiskoi Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimykh gosudarstv. Rossiiskii demograficheskii barometr [Elektronnyi resurs], URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/spp/census.php/> (access dates 31.05–12.07.2019). (In Russian)

Revizskie skazki i perepisnye knigi Vyatskogo kraja. Rodnaya Vyatka. Kraevedcheskii portal [Elektronnyi resurs], URL: <https://www.rodnaya-vyatka.ru/censuses/> (access dates 31.05–12.07.2019). (In Russian)

Starye karty Respubliki Marij Jel. Starye karty gorodov Rossii i zarubezh'ja [Elektronnyi resurs], URL: <http://www.retromap.ru/select.html#t=Marij%20Jel> (access dates 31.05–12.07.2019). (In Russian)

Received 16.10.2019

Revised 30.10.2019

Accepted 01.11.2019